Глава 45

Джина:

У нас было новое место - я уже говорила об этом? Джонни выделили каюту с парой спален и возможностью уединения. Я зашла в одну из них и хорошенько поплакала. Я просто не могла этого сделать! Я не могла продавать себя на аукционе рабов, как будто это было пустяком, простым и легким делом - но разве альтернатива может быть лучше? Я заснула...

Мне приснился сон. Я стояла на пьедестале в окружении мужчин. У них у всех были члены, и все они были эрегированы. Они подходили и ощупывали мои ноги, тыкали пальцем в мою киску или задницу; некоторые из них задевали мою грудь, щипали меня своими твердыми пальцами. На мне была табличка, но я не могла ее прочитать; все они качали головами и уходили после того, как приставали ко мне тем или иным способом, заставляя меня вздрагивать, когда они терлись своими липкими членами о мои ноги или тыкали в мои интимные места или что-то еще. Кто-то сказал: "Теоретически, она может трахаться, но...". Были всевозможные пренебрежения. Наконец, кто-то, показавшийся мне знакомым, подошел к пьедесталу и посмотрел на меня. Член принадлежал Марко, лицо было знакомым, хотя оно и не было знакомым.

"Пожалуйста, сэр, что написано на табличке?"

"Тупая пизда!" - прохрипел мужчина. Это был голос Марко. "Ты никому не нужна, потому что с тобой слишком много проблем, чтобы направить тебя в нужное русло! МОЖЕТ БЫТЬ, ты умеешь трахаться - но ты, наверное, все еще думаешь, что контролируешь это. Зачем ты кому-то нужна, если через пару дней тебя придется выбросить через шлюз?".

Все это повторялось в моей голове несколько раз, как это бывает во сне. Где-то там пришел огромный, уродливый черный мужчина, принес лестницу - он нагнул меня и засунул огромный член в мою задницу, причиняя мне боль, затем наполнил меня своим семенем - не просто немного, а клизму, от которой у меня начались болезненные спазмы. Я жалобно спросила: "Ты хочешь меня?", а он только рассмеялся и слез вниз. Следующий парень был борцом сумо или кем-то в этом роде с членом, похожим на пивную банку. Он растянул мою киску и колотил меня без пощады, а когда закончил, сбросил меня с пьедестала, встал надо мной и заговорил на тарабарском языке, потом поднял меня на руки и снова поставил на пьедестал. ИИ сказал чьим-то знакомым голосом: "Поднимись и стой там, тупая шлюха! Где твой знак?" А я не могла его найти...

Я проснулась; Мона трясла меня за плечо. "Вставай и сходи в туалет или еще куда-нибудь, мама - тебе приснился кошмар".

"Который час?"

"Поздно. Уже поздно. Ты спала все это время? Тебе еще нужно сделать объявление. Черт! Я должна была прийти сюда до этого! Неужели ты не можешь сделать НИЧЕГО нормально?".

Я вздрогнула; сон был свежим, и слова подходили к нему как нельзя лучше. "Где Джонни?"

"Джон в главной комнате, на конференции с ИИ. Я думаю, он подключен к какой-то обучающей программе". Не "Джонни", не "младший брат", не "болотная тварь", как она называла его в детстве. Внезапно он стал "Джоном". Когда я подумала об этом, Джонни тоже не называл Мону "сестренкой" в течение всего дня. Что это означало?

Я встала и направилась в главную комнату, потирая опухшее от сна и слез лицо. "Джонни..."

Он поднял палец, чтобы прервать меня, не глядя на меня. Я ждала две или три минуты, пока он стоял, молча, а на стене появлялись картинки. Потом они остановились, и он повернулся ко мне. "Да, мама? Ты сделала свое объявление? Уже поздно".

"Я... никак не могу сделать его правильно". Я повесила голову. "Все говорят, что я лажаю".

"Объявление?" Он был намеренно туп или не обращал на меня внимания, одно или другое.

"О тебе".

"Это твоя прерогатива, мама. Ты должна решить, с чем ты можешь жить". Он открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но закрыл его, откусив все, что там было. Я знала, что это была бы попытка убедить меня. Вместо этого он сказал: "Я вынужден настаивать на том, чтобы вы продолжали подготовку к поиску спонсора". Он сформулировал это очень осторожно. "Я не могу сделать это за вас. Мона ничем не помогла?"

"Ей удалось только смутить меня", - ответила я.

"Процесс смущает. Делать это правильно - унизительно. И то, и другое поможет тебе в долгосрочной перспективе правильно подать себя спонсору", - спокойно сказал Джонни.

<Возможно, вам стоит помочь, Джон Тафарелли, - предложил ИИ. Я слышал это - но я думаю, что был последующий разговор, потому что Джонни посмотрел в глаза... Я видел этот взгляд - и объект всегда сожалел о том, что должно было последовать, когда он появлялся на лице Марко.

"Похоже, мне нужно убедиться, что ты выполнишь свои задания - или мне придется отправить тебя в изолятор, где тебе будут помогать другие наложницы", - сказал Джонни. Это была угроза; была ли это угроза от Джонни или от ИИ? Я не хотела знать...

"Хорошо..." Другого приемлемого ответа не было.

"Следуйте за мной". Он привел меня обратно в ту комнату. "Теперь делай то, что я говорю -

понятно? Уже поздно, и у меня нет времени на глупости". Он наклонил голову. "Иди умойся - ты вся в беспорядке. Быстрее! Попробуй что-нибудь сделать с этими опухшими чертами лица!"

Я побежала в ванную, скрестив руки под грудью, чтобы она не так сильно подпрыгивала. Как ему это удалось?

Он был прав - мое лицо было в полном беспорядке. Я вытерла пятна от слез и попыталась уменьшить отечность холодной тряпкой, затем вернулась к Джонни.

"Наконец-то! Прими представление номер один! Улыбнись, ради Бога!" Я опустилась на колени и обхватила грудь; откуда-то Джонни придумал указку. "Раздвинь колени, мама... Представление один - это открытая поза! Я должен быть в состоянии дотянуться между твоих ног и погладить твою киску!" Джонни был прав насчет смущения и унижения! Я расширила свою позу, раздвинув колени. "Ты не улыбаешься! Вот так..." Его голос приобрел педантичный тон. "Это Джина Тафарелли, тридцатишестилетняя мать двоих детей с отличным послужным списком, родившая одного спонсора и одну главную наложницу. Обратите внимание на бюст - очень красивый для женщины ее возраста..." Он поднял руку, чтобы ИИ остановил запись: "Мама, ты можешь поднять свои соски? Ущипнуть их или что-то в этом роде?"

"Я... Я..."

"Это действительно не так уж сложно", - сказал Джонни, шагнув за мной и спрятав указку под мышкой. "Мы могли бы использовать лед, но тогда у тебя будут гусиные прыщи. Продолжай нажимать на них..." Он подошел ко мне сзади и начал крутить и сжимать мои соски - довольно сильно! Я хрюкнула - но они быстро укрепились и торчали. Я также стала неловко мокрой... "Это хорошо", - сказал Джонни, когда они окрепли и торчали на полсантиметра. Он обошел меня спереди и посмотрел вниз. "Твоя киска немного надулась, и губки приоткрылись - это плюс. На чем мы остановились?" Он нахмурился. "Ты покраснела. Ну, думаю, это нормально". Он протянул руку и потрогал мой левый сосок. Хорошо... Улыбнись... Это Джина Тафарелли...". Мы перешли к моей груди, и он обсудил мой живот (и погладил его), отметив, что я родила обоих своих детей вагинально. "По фотографиям я могу сказать, что если вам нравится то, что вы видите в тридцать шесть лет, то, регрессировав до восемнадцати, вы получите настоящее наслаждение. В сексуальном плане нам придется либо проверить ее, либо полагаться на ее показания. Зная ее бывшего мужа, мне трудно поверить, что она девственна где-либо...". Я стояла на коленях, потрясенная. Это мой сын говорил такие вещи! "Итак, Джина, занимаешься ли ты фелляцией?".

Я тупо смотрела на него, и он жестом попросил меня говорить. "Э-э, да".

"А ты делаешь глубокую глотку?"

"Да".

"Тебя когда-нибудь трахали с удушением?"

"Я ... Что это такое?" спросила я.

"Вас держали за голову и быстро вводили член в горло, не обращая внимания на то, можете ли вы нормально дышать или нет?".

"Ох. Да..." Я повесила голову, мое лицо пылало от румянца, который, как я знала, был на нем.

"Вставай, вставай! Улыбайся! Это все ценные навыки, мама... Мы можем просто закрепить это здесь, ИИ? Хорошо. Как насчет траха сисек? Сжимай их вместе..." Джонни намочил два пальца, просунул их между моих грудей и пару раз провел по ним. "Похоже, там довольно приятно. Мягкая..."

Унижение дошло до того, что я не могла держать голову. Потекли слезы. Джонни поднял руку, чтобы остановить и сказал: "Не плачь, мама - у тебя все хорошо! У тебя есть все эти ценные навыки... Я знаю! Мы дадим тебе повод! ИИ, давайте поднимем его. Возможно, мы захотим вставить это перед сиськой..." Он помахал двумя пальцами перед моим лицом. "Как твой рвотный рефлекс? Открой рот..." Я так и сделала - не знаю, почему именно; казалось, я просто делала все, что он хотел... Он тут же заткнул мне рот кляпом. "Ну, у нее есть один... Какой длины член ты уже глотала? Восемь дюймов? Десять?" Пальцы продолжали входить и выходить из моего рта, пока я изо всех сил старалась не вырвать, потом он отступил... "Покажи нам, как ты занимаешься любовью с членом своим ртом, Джина..." Я пару раз вздохнула, чтобы успокоить желудок, а затем начала сосать и ласкать пальцы Джонни. Стыд и унижение были мучительны - но я была мокрой! Я зудела от клитора до ануса, мои внешние губы были пухлыми и широко раскрытыми, и я хотела, чтобы ко мне прикасались... Ничего не оставалось делать, как держать мои соски в напряжении - они болели, они были такими твердыми! Джонни потянулся вниз и зажал пальцами один из них, продолжая вводить и выводить пальцы из моего рта, и я застонала от смешанной боли и удовольствия. Что, черт возьми, со мной было не так? Потом я вспомнила - Марко делал подобное постоянно! Чем горячее я становилась, тем грубее становился ОН! Или это было...?

"Подними голову, мама! Улыбнись!" Джонни вернул мое внимание, ударив меня указкой по бедру. "Если подумать, мы, наверное, уже закончили. Презентация три, мама, поторопись!" Он шлепнул меня еще раз, но я уже двигалась, поворачиваясь, задирая зад и опуская верхнюю часть тела на предплечья. "Поверни голову и посмотри назад через плечо!" подначивал Джонни, - "И улыбнись!".

"Хорошо!" Джонни встал слева от меня и провел рукой по моей заднице, его средний палец прочертил щель, промежность и далее в открытый желобок моей киски. "Как видите, когда Джина возбуждена, она становится очень сочной!" Он провел пальцем по моему клитору, пробормотав: "Хороший, большой клитор..." Он провел указательным пальцем по одной стороне, а средним - по другой и быстро задвигал ими вперед-назад, и во мне вспыхнуло возбуждение, я задыхалась и издавала тихие стоны. "И чувствительная...", - добавил он. Затем он начал водить средним пальцем вверх и вниз по розовому каналу между губами моей киски, смачивая его в моих соках. "Анус выглядит тугим, но использованным... У тебя был анальный секс, Джина?".

"Да", - задыхалась я. Его прикосновения сводили с ума! Он поднес палец к моему сморщенному колечку, и я сжалась, зная, что сейчас произойдет, но он слегка провел пальцем по упругому колечку, едва касаясь его, и я расслабилась.

"Тебе это нравится?"

"Да..."

"Покажи мне..." Он мягко надавил, и я инстинктивно сделала то, что, как я знала по опыту, должно сработать - я прижалась, надавила и расслабилась настолько, что он смог ввести кончик пальца. Он не вошел глубоко, но оставил его до первой костяшки, застрявшей между двойными отверстиями моего анального кольца. Это было не больно - даже когда он начал вращать его вперед-назад! Вместо этого я снова застонала... "Думаю, она говорит правду...", - усмехнулся он.

Не вынимая указательного пальца из моего сфинктера, Джонни начал прощупывать отверстие моего влагалища средним пальцем. Он скользнул в мое мокрое отверстие, и я сжала его своими внутренними стенками, а Джонни, играя на том устройстве, которое снимало видео, улыбнулся и сказал: "Это прошло через двух детей, но оно сжимает мой палец...". Затем он немного подкачал оба пальца, и я приняла их в обе свои дырочки - и он начал быстро двигать ими вперед-назад, а я задыхалась, стонала и выгибала спину, поднимая попку, умоляя о большем, совершенно бесстыдно! Джонни усмехнулся и сказал: "Как видишь, она горячая штучка в тридцать шесть лет - представь, какой она будет в восемнадцать!".

Затем он убрал пальцы и сказал: "Ладно, хватит!". Я заскулила и открыла рот для жалобной просьбы, а он засунул в него два пальца и грубо сказал: "Почисти их, мама". Он обошел меня справа и погладил мой левый бок, пока я высасывала свои соки и, да, немного дерьма с его пальцев. "Это был неплохой первый дубль", - сказал он, - "Теперь, когда ты знаешь, что тебя ждет и каковы ответы, мы можем поработать над улыбкой и завернуть это в еще один...".

Я не могла сделать это снова; я не хотела, во всяком случае. Теперь, наконец, я знала, что я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО хочу сделать... "Я... я не хочу делать это снова".

"Ты должна, мама. Это прохождение было хорошим, но ты много спотыкалась. Тебе нужно отточенное выступление..."

"Я вообще не хочу этого делать..."

"Ты должна что-то сделать!" прохрипел Джонни.

"Я хочу сделать другое", - пробормотала я.

Лицо Джонни стало серьезным. "Ты уверена? Я не приму ни одного полусерьезного усилия...

Все изменится - должно измениться".

"Я всегда хотела этого... Я просто не могу быть твоей матерью и..." прошептала я.

"Ты и не будешь. Старые роли мертвы. Ты будешь моей наложницей, Джина. Так же, как Мона больше не моя сестра - она моя наложница - и точка".

Наконец-то я поняла, что такое имя. Так они расставались с прошлым - и так буду расставаться я. "Я понимаю... Джон".

Джон замер на мгновение, рассматривая меня. "Сейчас, я думаю, мы должны пойти немного дальше. Ты можешь называть меня Джоном, когда кто-то спрашивает обо мне, но ты будешь обращаться ко мне как к Мастеру, как это делает Мона".

"Да, Мастер".

"Мы должны сделать это официально..."

"ИИ?"

"Да."

"Я подчиняюсь Джону Тафарелли". Вот так. Я сказала это. Старые отношения исчезли.

"Джон Тафарелли?" - спросил ИИ.

"Я принимаю подчинение наложницы Джины", - сказал Джон, его глаза смотрели на мои. Как я раньше не замечала, сколько в нем было от отца? "Мона!"

"Хозяин?" Мона высунула голову из-за двери так быстро, что, должно быть, наблюдала...

"Боюсь, придется задержаться. Мое новое приобретение нуждается в помощи".

"Да, Хозяин." Моне каким-то образом удалось передать разочарование и ожидание, а также согласие.

"Иди сюда". Джон жестом подозвал меня к себе. Я осталась стоять на коленях, зная, что именно там я буду нужна. "Скоро нам всем будет восемнадцать, физически. Но сегодня ты отдашь мне себя такой, какая ты есть". Он посмотрел на меня на мгновение, а затем махнул рукой: "Давай".

Он был мужчиной - не так ли? Он не был мужчиной в последний раз, когда я позволила себе посмотреть... Я расстегнула ширинку его комбинезона и потянулась внутрь... и обнаружила твердый, толстый член, уже немного твердый. Я потянул его вниз и наружу; изгиб был знакомым, но длина была больше, чем у другого члена, с которым я была знаком больше всего - не намного, но это было ощутимо. Физически он не был медведем, каким был его отец, но он был лучше оснащен... Я держала его ствол и наклонила голову, чтобы сделать то, что, как меня учили, никогда не должна делать ни одна мать - я опустила губы на его головку, пробуя его на вкус. Медленно, не сводя с него глаз, я трижды вобрала в себя его ствол, каждый раз немного больше. В его глазах отражалось удовольствие, но он не выходил из себя; он держал мои глаза, как я держала его, ограничиваясь тихими возгласами одобрения.

"Дай мне посмотреть, как ты справишься с трахом в лицо", - сказал он. Я отпустила его член, взяла его руки и положила их себе на голову; он усмехнулся, провел пальцами по моим слегка поседевшим черным локонам и несколько раз накачал - но не сильно и не глубоко; ему было достаточно знать, что я ему доверяю. "Покажи мне свою глубокую глотку", - сказал он, отпустив мою голову. Я взяла его яйца в руку и вогнала тупую головку его члена в рот, заставляя себя заглотнуть и пускать слюну. Я проделала это четыре или пять раз, а он терпеливо ждал, зная, что это только подготовка, а не мои старания; когда мой рот был полон слюны, а объятия с ним были скользкими и жидкими, я выпрямила шею и уткнулась лицом в его жесткий лобок, обнаружив, что он действительно немного длиннее, чем его отец. Он открыл новую территорию в моем горле; я немного покачалась, двигая его вперед-назад, погрузилась, затем проглотила, массируя его головку. "Аааааххх!" - вздохнул он, затем: "Хватит предварительных ласк. Следуй за мной!", вынул из меня свой член и отвернулся. Я поднялась и поспешила за ним; я никогда не могла этого объяснить, но что-то в том, чтобы делать минет, вызывало во мне дикое желание... Я хотела его как никогда!

Он щелкнул пальцами, и я бросилась на кровать и легла на спину, раскинувшись, совершенно безвольная. Это было не то, что мать делает с сыном, но это не было проблемой. Где-то у меня был *** сын, но это был не он. Это был не маленький Джонни, чьи коленки я бинтовала, когда он их поцарапал, и кого я водила в скауты и детскую лигу. Человек, который забрался на кровать между моих раздвинутых ног и прижал свой член к моему влагалищу, а затем протолкнул головку через кольцо моего отверстия, прежде чем остановиться на мгновение и повернуть бедра, не был ребенком ни в коей мере. Нет, это был мужчина, который вдавил свой изогнутый член в глубину моей сущности, а затем отстранился, только чтобы пошевелить бедрами, снова погружаясь в меня. Я застонала, а он усмехнулся: "Я нашел источник легенды...", когда он снова, относительно медленно, отстранился. Затем его бедра снова задвигались, он глубоко входил и выходил...

Я достигла оргазма так быстро... Если бы это заняло тридцать секунд, я бы удивилась! Я издала задыхающийся стон и прижалась к нему, он владел мной, он овладел мной. Я была его. Человек, который занимал это место в моей жизни, исчез - и я была рада этому, по правде говоря. Марко был более чем немного злым... Джон никогда не убивал человека по ЛЮБОЙ причине - и уж точно не ради денег или забавы. Я откинулась назад, задыхаясь, а он продолжал свои неторопливые двухскоростные удары, ничуть не собираясь останавливаться. Через минуту я содрогалась от брызг своих соков, находясь в муках сильной кульминации; член Джона искал мою точку G и натирал ее при каждом ударе, и я не могла сдержаться! Я прижималась к нему и лепетала от радости, а он щипал меня за соски, и боль была как кокосовая глазурь на торте "Черный лес" - завершающий штрих...

Всего через несколько минут я лежала, сотрясаемая очередной кульминацией, и начала беспокоиться, что у меня кончатся силы, прежде чем он достигнет своего пика. Но он начал проявлять признаки того, что его захватывает удовольствие, и я взяла себя в руки и начала концентрироваться на ЕГО удовольствии, напрягая свои внутренние мышцы и увеличивая трение на его поршне. Я начала подбадривать его, лаская его лицо и бормоча: "Да! Кончи для меня! Наполни меня! Сделай меня своей!", прижимаясь к нему своим туннелем. Мое возбуждение нарастало, и я поняла, что мои усилия вызывают обратную реакцию - но Джон был близок, так близок... Мне нужно было продержаться еще мгновение... Затем он зарычал - хорошо запомнившаяся манера, которую он, несомненно, унаследовал от того, другого, - глубоко вошел в меня и выпустил мощную струю спермы прямо на шейку матки с расстояния в миллиметр, если не больше - и я закричала, и мой живот сжался, и моя киска осыпала его спазмами - но ему удалось отступить и снова войти в меня - и снова выстрелить - несмотря на мою хватку! И он сделал это в третий раз, и в четвертый, а мой живот был заперт, я не могла дышать и видела звезды...

Я проснулась от улыбки Моны; Джон мирно покоился, уткнувшись лицом в мою шею. "Это выглядело забавно", - пробормотала Мона. Я оттолкнула ее, раздраженная; ее комментарий был похож на вопрос: "Ты что-то слышала?" после того, как рядом с тобой разорвался артиллерийский снаряд! Это было оскорблением силы интерлюдии... "Это грубо! Будь повежливее!"

"О?" Мона посмотрела на меня.

"Словами это не описать, а ты приходишь и говоришь: "Это выглядело забавно... Это как смотреть на бриллиант и говорить: "Ну и ну, это углерод?". Это просто..."

"Неадекватно?" спросила Мона, улыбаясь.

"Оскорбительно!" ответила я. Джон немного пошевелился, и я погладила его по спине. "Тихо - Джон отдыхает".

"Интересно, почему?" Мона хихикнула. "Это было... впечатляюще... почти час..."

"Что?"

"Пятьдесят минут с того момента, как я посмотрела на часы..."

"Это ... не казалось таким долгим", - размышляла я.

"Ты большую часть этого времени была в Ла-Ла-Ленде!" поддразнила Мона, "Джина..."

Я потянулась и погладила ее по щеке. "Значит, сестры?"

"В рабстве", - кивнула Мона. "Я собираюсь выключить свет и обняться". Она повернулась, и свет погас. "Или нет..." Она прижалась к нам. Под моей попой медленно остывало мокрое пятно - и это было неважно. Мои глаза закрылись.

Марк Тиллотсон:

В воскресенье вечером я вошел в помещение семьдесят девять, патрулируя. Обстановка была напряженной. В зале было много недавно раздетых мужчин и женщин, и большинство из них предпочли бы быть одетыми. Я огляделся. Да, вот они - Салазары. Как и все остальные, сегодня вечером они выглядели несколько иначе...

Сегодня утром за завтраком мое внимание привлек высокий крик, который оказался женским испанским, льющимся со скоростью примерно шестьдесят к одному. Я бил по пяти верхним столовым, с семьдесят пятой по семьдесят девятую, одну за другой; субдекурион Хопкинс младшая, маленькая мисс "Пожалуйста, не делайте из меня администратора борделя", занималась пятью нижними. Субдекурион Хопкинс Старший, самая успешная в мире жирная шлюха, еще не дошла до медицины и все еще была наложницей. Как бы то ни было, я направился посмотреть, что за беспокойство, и обнаружил Салазаров.

Шум исходил от старухи во вдовьей одежде и с тростью; женщине было под восемьдесят. Но она была сердита и шумна. Вокруг нее сгруппировались, пытаясь справиться с делами, еще три женщины разного возраста и мальчик лет четырнадцати. "Кто здесь главный?" прохрипел я.

"Наверное, я", -- сказал мальчик, конечно же.

"А ты?"

"Хавьер Салазар. Я спонсор".

"Едва ли, держу пари", - отозвался я.

"Да".

"В чем проблема?"

Старуха снова заговорила. Я указал на нее и четко сказал: "Заткнись!". Она так и сделала, сверкнув глазами.

"Бабушка не понимает..."

"Я тоже не понимаю", - ответил я. "Что здесь делает бабушка?"

"Я пригласил бабушку Эстреллу, - ответил Хавьер, помахав рукой симпатичной испаноязычной женщине лет пятидесяти, - но Нана была с ней, приехала из старой страны. Я не знал, что делать...".

"Ладно, я понимаю". Ведь ребенку было четырнадцать... "А кто остальные?"

"Ну, мама..." Хавьер махнул рукой женщине лет тридцати с небольшим с пышным бюстом в крестьянской блузке.

Она шагнула вперед и протянула руку: "Грасиэла. Это Марисоль", - добавила она, указывая на младшую сестру Хавьера.

"Так в чем, собственно, проблема?" спросил я.

Эстрелла вмешалась. "Нана - прабабушка Хавьера - не понимает, что происходит. Она не знает, где находится, и хочет уехать. Честно говоря, я не могу объяснить..."

"Она говорит по-английски?"

"Ни слова".

Я мог бы попросить ИИ перевести, но там стояли другие женщины. Я повернулся к Грасиэле. "Хавьер и Марисоль находятся в школе, верно? Вы знаете о том, к чему они готовились?"

"Да. Мы надеялись, что Конфедерация заберет их и отправит в колонию", - подтвердила Грасиэла.

"И это произошло", - подтвердил я, - "Только мы забрали и семьи. Где ваш муж?"

"Он уехал за урожаем", - пробормотала Грасиэла. "Хавьер получал стипендию. Мы очень гордимся им".

"А дедушка?" спросил я Эстреллу.

"Мы... разошлись". Лицо Эстреллы закрылось. Во многих странах добрые католики не разводятся и точка.

"Так чего же не понимает бабушка?"

"Почти все", - ответила Грасиэла. "Нана не верит в инопланетян, космические путешествия или...", - пожала она плечами. Оглядевшись по сторонам, она добавила: "Вы слышали сказки...

Я ожидала, что все будут голыми".

"Сказки верны. Сегодня ты выйдешь из одежды, - сказал я ей, - помимо всего прочего. Но Нана - это проблема..."

"Почему?" - спросила Эстрелла.

Я повернулась к ней. "У тебя менструация?"

"Сегодня?"

" Вообще. У вас постменопаузальный период?".

Эстрелла выглядела обиженной. "Почему вы задаете грубые вопросы?"

"Потому что они необходимы для определения твоего статуса", - фригидно ответил я.

"Бабушка, он серьезно. Ответь на вопрос", - вмешался Хавьер. "Она не понимает".

Эстрелла посмотрела на своего внука. "Я... в процессе..."

"Хорошо. Тогда мы отменим это. Чтобы пояснить, вы являетесь не назначенной или незарегистрированной наложницей со вчерашнего дня, когда вы поднялись на борт "Валгаллы". Грасиэла тоже. Марисоль, конечно, ребенок, но с бабушкой есть проблема. Мы просто не собираем стариков. Женщины после менопаузы..." Я пожал плечами.

Эстрелла наклонила голову. "Что такое наложница?"

"Ты найдешь себе спонсора. Ты посвятишь себя этому спонсору. Ты станешь членом его семьи", - ответил я и продолжил: "У тебя будут дети твоего спонсора, помимо всего прочего".

"Это... звучит как рабство...".

"Эти понятия имеют такое поразительное сходство, что провести между ними различие практически невозможно", - ответил я. "Человеческая раса должна быстро расти, чтобы быть в состоянии победить угрозу. Это, в конечном счете, и есть та сделка, которую мы заключили с дарджи и другими расами Конфедерации, чтобы получить инструменты для выполнения этой работы. Они хотели только спонсоров, но мы указали, что мы не сможем нормально размножаться без большего генофонда. Вы... скот". Я видел, как покраснело ее лицо. Ладно, это было очень грубо с моей стороны, но я имею дело со многими женщинами, и иногда лучше выложить все в самом худшем виде и позволить им изменить это, чтобы соответствовать тому,

что они хотят услышать...

Нана снова открыла рот, я повернулся к ней и поднял палец. К счастью, она была приучена реагировать на авторитеты. "В чем ее проблема?" спросил я.

"Она знает, что меня оскорбили", - проворчала Эстрелла.

"Она считает, что вас оскорбили", - поправил я. "ВЫ думаете, что вас оскорбили. Что произошло на самом деле, так это то, что вам открылась чистая, неприкрытая правда".

"Вам обязательно быть грубым?"

"Я считаю, что это экономит время, если переходить сразу к делу, а мое время дорого", - ответил я.

В этот момент нас прервали демонстрацией наказания Джека, которая была показана на каждой стене комнаты. Когда все закончилось, Нана Салазар издала односложное фырканье.

"Что это было?" спросил я.

"Кино..." ответила Грасиэла.

"Пойдемте со мной". Я помахала группе рукой. Я повернулся, чтобы посмотреть, но Нана довольно бодро шагала по улице, опираясь на трость. "Сколько ей лет?"

"Восемьдесят два", - коротко ответила Эстрелла.

"Она видела много изменений", - заметил я. "И она увидит еще больше".

К счастью, "Зал семьдесят девять" находился рядом с внешним корпусом; даже старушки периодически привлекают мое внимание, а я не хотел утомлять бабушку. Через пять минут или около того, мы дошли до смотровой комнаты номер один сорок шесть. Мать-Земля висела там в порту, медленно вращаясь, во всей своей красе. "Вот вам и научная фантастика", - заявил я.

Вся семья потянулась к порту, завороженная; что ж, я тоже сделал это в первый раз и все еще мог втянуться. Я дал им пару минут, а затем сказал: "Ладно, теперь, когда вы привлекли ее внимание, постарайтесь заставить ее понять. Назад дороги нет - фактически, где-то завтра мы уедем. ИИ?"

"Декурион?"

"На медицинском, откати Нану на, скажем, шестьдесят, и сделай все разумные и необходимые ремонты. Она не может быть наложницей, но мы найдем другую роль. Откатите Эстреллу на пять лет назад или около того - сколько потребуется, чтобы ее яичники работали на сто процентов - она будет наложницей. Хавьер, Нана - иждивенка, как и Марисоль. Она ВАША собственность - ты несешь ответственность, как и за Марисоль. Иногда о стариках нужно заботиться, как о детях, и это один из тех случаев. Я понимаю, что она не ребенок, но она не спонсор и не наложница - поэтому она иждивенка. Вы понимаете?"

"Да, сэр". Хавьер кивнул.

"Эстрелла и Грасиэла, Хавьер - главный. Он молод, и ему может понадобиться помощь в принятии взрослых решений, но он принимает решения. Он человек - я знаю, что вы понимаете такие вещи с точки зрения культуры. Он обучен тому, что мы делаем, и он знает, что происходит. Если он попросит совета, узнайте все о ситуации и посоветуйте ему - но решения принимает он. Вы находитесь под защитой Хавьера до тех пор, пока не найдете другого спонсора. Вы могли бы и дальше находиться под защитой Хавьера, но, возможно, вы не захотите этого - есть цена, которую нужно заплатить. Некоторые платят ее с радостью, а некоторые не могут даже помыслить об этом; вы узнаете обо всем этом на сегодняшнем брифинге. Возьмите Нану на инструктаж, чтобы она все поняла, хотя большая часть этого к ней не относится. Она может присматривать за Марисоль. Все ясно?" Я получил три кивка. "Сейчас я отведу вас обратно к завтраку". Я повернулся и повел их обратно.

http://erolate.com/book/249/11148